

УДК 159.9**Абакумова Ирина Владимировна**

член-корреспондент РАО,
доктор психологических наук, профессор,
декан факультета психологии, педагогики и дефектологии,
Донской государственной технической университет
abakira@mail.ru

Годунов Михаил Викторович

кандидат психологических наук,
преподаватель ЧОУ ДПО Школа Сотворчества
godunmv997@gmail.com

Пеньков Денис Васильевич

преподаватель,
Краснодарский многопрофильный институт дополнительного образования
denispenkov@mail.ru

Irina V. Abakumova

Doctor of Psychology, Professor,
Corresponding member of Russian Academy of Education,
Dean of the faculty «Psychology, pedagogy and defectology»,
Don state technical University
abakira@mail.ru

Mikhail V. Godunov

Candidate of Psychology,
Teacher Creativity School
godunmv997@gmail.com

Denis V. Penkov

Teacher,
Krasnodar multidisciplinary Institute of additional education
denispenkov@mail.ru

**ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
СТРАТЕГИЙ СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ****FEATURES OF MODERN RESEARCH STRATEGIES
OF MEANING-BUILDING**

Аннотация. В статье представлено состояние современных исследований смысловой сферы личности. В междисциплинарном плане рассматриваются феномены личностных смыслов, их актуализации на различных этапах развития человека, в ходе разнообразных процессов социализации. С позиций участия в разноплановых ситуациях жизнедеятельности показаны подходы основных психологических школ в изучении особенностей и закономерностей образования смыслов переживающего субъекта.

Ключевые слова: личность, развитие личности, личностный смысл, смысловая сфера, актуализация смыслов, ситуации жизнедеятельности, смыслообразование, смыслообразующая стратегия.

Annotation. *The article presents the state of modern research of the meaning sphere of personality. The interdisciplinary plan considers the phenomena of personal meanings, their actualization at different stages of human development, in the course of various processes of socialization. From the standpoint of participation in diverse situations of life shows the approaches of the main psychological schools in the study of the features and laws of the formation of meanings of the experiencing subject.*

Keywords: *personality, personal development, personal meaning, meaning sphere, the actualization of meanings, situations of life, meaning-making, meaning-making strategy.*

Среди многоплановых процессов, протекающих в смысловой сфере переживающего субъекта, важное место занимает образование смыслов, их закрепление и актуализация. Эти процессы регуляции системы смыслов происходят непрерывно и отражают динамику состояний личности. С позиций системного подхода, такие способы организации системы в виде набора правил и выбора плана взаимодействий внутри и вовне принято называть стратегией (греч. «*stratos*» – войско, «*ago*» – веду). При рассмотрении особенностей стратегий в контексте смыслообразования необходимо описать категориальный аппарат стратегии как междисциплинарного понятия.

Согласно исследованиям Дж. фон Неймана и О. Моргенштерна, стратегия в теории игр, как разделе прикладной математики, содержит планы поведения при возможных ходах других игроков, преследующих свои интересы [30]. При выборе стратегии целесообразно учитывать наличие ресурсов, а также краткосрочные и долгосрочные цели – собственные и других игроков [31]. Отмечаются следующие признаки игры как математической модели ситуации:

- 1) неопределённость в поведении игроков, имеющих несколько вариантов своих действий;
- 2) возможное несовпадение интересов игроков;
- 3) взаимосвязанность поведения отдельных игроков, так как результат каждого зависит от поведения всех участвующих;
- 4) наличие известных правил поведения.

Подход с позиций игровой деятельности позволяет выстраивать стратегии различной степени успешности в разных областях жизни человека: в экономических и международных отношениях, несколько реже для объяснения поведения отдельного человека и групп в социологии, политологии, психологической и юридической практике [23].

Отличием теории игр от теории принятия решений и, тем более, теории конфликтов является разработка оптимальных стратегий, способных приводить к состояниям устойчивого равновесия. В работах Дж. Нэша, посвященных равновесию в некооперативных играх, показан неоптимальным классический подход А. Смита к экономической конкуренции, когда каждый сам за себя.

Более выгодными становятся равновесные стратегии, когда каждый старается сделать лучше для себя, делая при этом лучше для других [12]. Вопрос о распределении выгоды между игроками рассматривается с позиций справедливости получения благ при благоприятном или неблагоприятном исходе посредством выбора хороших или плохих стратегий.

В работах Г.П. Щедровицкого разрабатывается игровой подход к обучению управленческих кадров. Предлагаемый им методологический взгляд позволяет проводить организационно-деятельностные игры, обладающие определенным психологическим накалом. В их процессе происходила организация и развитие коллективной мыслительной деятельности взрослых и детей для решения междисциплинарных и межкультурных проблем [20]. С позиций полисистемы такая игровая деятельность строится с несколькими конкурирующими фокусами по «матрешечной» схеме: верхняя управляющая система рефлексивно отражает и организует работу нижней исполнительной системы. Их взаимодействие рассматривается как самоорганизующаяся и саморазвивающаяся структура, преобразующая хаос для получения заранее намеченных продуктов, что выступает как основная стратегия таких организационных игр [20].

С позиций психоанализа, заложенных З. Фрейдом, поведение рассматривается как стремление человека действовать на основе мотивов, скрытых и не всегда осознаваемых, зачастую деформированных в детстве в результате психотравм от родственников. Для преодоления конфликта мотивов и снятия защитных механизмов, функционирующих в психике, требуется согласование между сознательным (сверх-Я), предсознательным (Я) и бессознательным (Оно) слоем личности. Исследователем в качестве основной смыслообразующей стратегии указывается приспособление к окружающей среде как преимущественно враждебной. Такая биологическая детерминация выступает источником процессов психического развития, движущими силами которых рассматриваются бессознательные и врожденные влечения [17].

Мост между психоаналитическим и бихевиористским взглядом на поведение человека одними из первых проложили Н. Миллер и Дж. Доллард. Опираясь на фрейдовскую концепцию детских психотравм, исследователи рассматривают период детства как период преходящего невроза. Ребенок видится как дезориентированный и обманутый индивид, который расторможен и неспособен к освоению высших психических функций. Такая неудовлетворенность видится как фрустрация, реакцией на которую становится агрессия. Так как счастливый ребенок – это недостижимый миф, то задачей родителей является социализация ребенка и подготовка к жизни в обществе через научение [28]. Тогда главный тезис такого научения сводится к тому, что стратегия подражающего поведения возникает только тогда, когда ребенок вознаграждается при выполнении подражания.

Р. Сирс соединил психоаналитический и бихевиористский подход в концепции научения, которая учитывает детскую зависимость от взрослого и эта зависимость рассматривается как сильнейшая потребность ребенка. Детское развитие, как результат научения в диадической системе, есть зеркало практики

воспитания ребенка, который будет вести себя в точности так, как он был воспитан родителями [33]. Исследователь утверждал, что именно в диадических ситуациях оформляется наибольшее количество личностных структур, исходя из чего, например агрессию неправомерно рассматривать как собственно черту характера. Она выступает как ситуативно зависимая реакцию на второго члена диады в условиях фрустрации [33]. Таким образом, стратегия поведения рассматривается как ориентация на поведение другого человека в диадической системе.

При изучении психологических особенностей стратегий взаимодействия с внешним миром в процессе приобретения социально значимых навыков интересны некоторые бихевиористские теории научения, настаивающие на усваиваемости всякого поведения в ходе научения. Процесс социального научения, согласно концепции А. Бандуры, происходит при мысленной оценке человеком происходящих событий. По его мнению, в дополнение к награде или наказанию необходимо проводить научение путем наблюдения, идентификации и имитации. Такая подражающая стратегия обучения детей (не на собственных, а на чужих ошибках) через восприятие опыта предыдущих поколений осуществляется путем копирования поведения взрослых [22]. Данное копирование может заключаться в простом подражании как слепом повторении ребенком поведения взрослого без осознания его последствий, а так же в имитационном (викарном) подражании, как повторение успешной модели с пониманием последствия его применения. Сутью такой смыслообразующей стратегии является взаимная обусловленность мыслительных процессов, явлений окружающего мира и поведения человека, то есть сам индивид контролирует свое окружение в той степени, в какой оно контролирует его.

При когнитивном научении, согласно необихевиористскому подходу Э. Толмена, предлагается между стимулом и реакцией рассматривать внутренние процессы когнитивного плана, как промежуточные переменные: ориентацию на цели, отношение к объекту как к средству, выбор средства для достижения цели. В основе такого когнитивного научения лежит абстрагирование, освоение знаковых систем и кодирование на основе информационных систем по типу «знак – означаемое». Тогда в качестве содержания стратегии такого научения выступает отражение и закрепление в сознании наиболее общих отношений, отражающих целесообразную деятельность и реальный мир [35].

Согласно усовершенствованной К. Халлом бихевиористской модели поведения, навык – важнейшая промежуточная переменная, осуществляющая связь между внешним стимулом и реакцией организма, а сила этой связи – сила привычки. Тогда в качестве основной стратегией поведения исследователь называет наступление адаптивного равновесия между средой и организмом. Поэтому для объяснения поведения организма достаточно учитывать потребность, не прибегая к учету других психических образов [24].

В дальнейшем Дж. Миллер, Е. Галантер и К. Прибрам предложили в качестве промежуточных переменных использовать понятие образа как организованной информации человека о себе и мире, а также понятия плана как усвоенного алгоритма поведения. Исследователи применили для

бихевиористского описания поведения модель с обратной связью: проба (тест) – операция – проба (тест) – результат. При таком подходе человеческое поведение рассматривалось как действия вычислительной машины [27]

Гештальт-терапия, разработанная Ф. Перлзом, с гуманистических позиций объясняет когнитивные механизмы миропонимания как целостный акт осознания человеком своей личности [14]. В данном случае при возникновении, анализе и решении проблемы основополагающим звеном является наступление инсайта (озарения), дающего альтернативный путь выхода из ситуации. Эту стратегия гештальт-терапии можно описать так: стремление человека достроить аутентичный целостный образ своей личности и осуществить его в своей жизни на основе осознания присущих только себе телесных ощущений, чувств, потребностей, межличностных отношений, мышления и восприятия своей личности с внешним миром как единое целое.

М. Селигман изучает влияние важнейшего показателя мотивации достижений адаптивной реакции на неудачи в эмоциональном, поведенческом и когнитивном плане. Наступление поведения, направленного на отсутствие достижений, объясняется появлением состояния выученной беспомощности – психологического состояния, возникающего вследствие пережитой человеком неподконтрольности ситуаций, что запускает нарушение мотивационных, эмоциональных и когнитивных процессов [34]. Из-за такой невозможности взять под контроль имевшую место негативную ситуацию, то есть, пережив состояние беспомощности, человек в дальнейших ситуациях контролирует их слабее, чем другой, не имевший в прошлом опыта беспомощности ситуационного управления. На основании этого можно в качестве смыслообразующей стратегии указать стремление к избеганию негативного жизненного опыта и нежелание попадать в неподконтрольные ситуации взаимодействий для снижения риска наступления неудач.

Дж. Роттер при исследовании когнитивных детерминант, приводящих к достижению успеха, предложил теорию «локуса контроля», показывающего локализацию контроля волевых усилий, влияющих на результативность деятельности [32]. Лocus контроля служит одной из характеристик когнитивной сферы человека, а именно того, в чем заключается обобщенное ожидание субъекта о том, как он контролирует поступающие подкрепления своей деятельности. Использование локуса контроля, по мнению исследователя, помогает прогнозировать стратегию поведения в разных ситуациях. Наиболее удачным объяснением считается приписывание удачи себе, а неуспеха – влиянию внешних сил [32]. Исходя из этих полюсов, развитие личности может проходить по пути балансирования между двумя локусами контроля: с одной стороны это развитие большей целеустремленности, устойчивости и независимости в ситуационных взаимодействиях, а с другой стороны это стремление к большему уровню социальной компформности, умение налаживать хорошие контакты и находить общий язык с различными людьми.

В плане повышения психологической устойчивости при воздействии различных неблагоприятных факторов интересны работы по копинг-

стратегиям. В таких работах, начало которым положил Р. Лазарус, изучаются разнообразные подходы к механизмам совладания с дисбалансом между индивидуальным восприятием запросов внешней среды и внутренних ресурсов для взаимодействия с ними. Наличие и нарастание такого дисбаланса приводит к дискомфортному состоянию, которое воспринимается как стресс, для преодоления которого в эмоциональном, когнитивном и поведенческом плане применяются два типа копинг-стратегий [25]:

1) Проблемно-ориентированные – направлены на осмысление проблемы стрессовой ситуации с целью ее улучшения путем поиска информации о правильном поведении, действиях. Это помогает избегать необдуманных поступков и контролировать подобные ситуации сейчас и в дальнейшем.

2) Эмоционально-ориентированные – сфокусированы на мыслях, помогающих снизить действующую психологическую нагрузку. Однако такое снижение напряженного внутреннего состояния не направляется на решение стрессовой ситуации и не приводит к разрешению возникшей проблемы.

Исследователем в качестве базисных выделяются копинг-стратегии [25]:

- 1) разрешение проблемы – является эффективным;
- 2) избегание проблемы – является неконструктивным;
- 3) поиск поддержки у других людей.

Механизмы копинг-стратегий выполняют компенсаторную функцию для прохождения стрессовых ситуаций с минимальными потерями для личности.

При исследовании стратегий построения более широких отношений и связей в различных группах интересен подход к изучению личности на основе ролевых теорий социально-психологического характера. С позиций символического интеракционизма представляет интерес концепция зеркального «Я» Дж. Мида, который утверждает, что социальная среда выступает решающим фактором развития личности. По его мнению, человеческое «Я», выступая как продукт социального взаимодействия между людьми, состоит из двух частей: «Я-меня» – восприятие себя как объекта, усвоившего определенные социальные установки, правила и ценности; «Я-сам» – восприятие себя как субъекта, то есть как сам человек принимает ту часть своей личности, которая называется «Я-меня». Совокупность этих двух частей в личности образует «интегральное Я» как зеркальное отображение себя через других людей по принципу «я есть то, что другие думают обо мне» [26]. Такая стратегия отличается от фрейдистского подхода, определяющего в структуре категорию «Id» как обладающее несоциальной природой «Оно». Поэтому межличностные взаимоотношения (итеракции) сопровождаются определенным ролевым поведением и человек в процессе своей деятельности никогда не может оставаться просто человеком. Дж. Мид обозначает три стадии формирования «зеркального Я» в детстве человека [26]:

1) имитация – при ограниченном опыте ребенок копирует поведение взрослых, не понимая их;

2) игра – освоение языка и других символических систем, осознание своего поведения, как освоения игровых ролей. Переход между ними развивает способность к осмыслению своих мыслей и поступков так, как это видят другие

участники игры;

3) коллективная игра – научение осознавать ожидания группы, чем готовится освоение общественных правил, отраженных в законах и социальных нормах. Так формируется чувство социальной различной идентичности.

По мнению исследователя, в основе стратегии развития в социуме выступает самоопределение как принятие человеком определенных ролей посредством осознания представлений других о себе. В такую стратегию входит принятие личностью на себя ролей других людей и такие ролевые перемены осуществляются под действием «значимых других».

В ролевой теории Я. Морено выделяется спонтанность как наиболее глубокий и значимый филогенетический фактор развития личности. Поэтому стратегия развития фокусируется на выявлении и развитии человеком способности к спонтанности, без которой он как личность перестает существовать [29]. По мнению исследователя, появление ролей является первичным по отношению к собственному «Я», и структура личности представляется совокупностью первичных ролевых категорий разной природы:

- 1) соматические роли – порождаемые от действия физиологических потребностей и эмоций;
- 2) психические роли – возникают при вхождении ребенка в социальную матрицу, расширяя область его переживаний;
- 3) социальные роли – детерминируются характером действующих социальных отношений;
- 4) трансцендентные роли – оформляются как интегративные в процессе принятия человеком общих взглядов на мир в силу трансценденции, внутренне присущей этому миру.

Согласно психодраматического подхода Я. Морено, развитие личности протекает в двух ипостасях: социоэмоциональном развитии как поэтапном возрастном формировании способностей к межличностным отношениям и ролевом развитии как обретении личностного опыта посредством стадийного ролевого обучения. В ходе освоения ролей должно происходить последовательное освоение всех четырех категорий. Без этого при пропуске стадий их формирования или возврате на предыдущие уровни первичных ролевых категорий может возникать личностная патология [29]. Исследователем указывается, что при остановке на уровне собственного восприятия реальности человек может страдать слобоумием, отсутствие психических ролей приводит к психопатии, пробел в формировании социальных ролей ведет к шизоидному развитию, неполное развитие всего комплекса ролей и возврат к их низшим уровням способствует развитию страха, проявляемого в разнообразных невротических нарушениях. Поэтому для пробуждения и развития спонтанности, как основы истинного творчества человека в процессе жизненных поисков для встречи с Богом, разработана групповая психотерапия, психодраматический, социометрический подход [29].

М. Хайдеггер при рассмотрении в экзистенциальном плане категории «человеческая свобода», указывает на необходимость переосмысления бытия. В отличие от предшествующего традиционного философского термина *dasein*

как наличного бытия, исследователь обозначает *dasein* как бытие человеческого сознания. Люди в силу именно временности своей жизни способны осознавать свое бытие в мире. Существовая в нем человек испытывает состояние заботы, которая проявляется единством трех слагаемых бытия [19]:

1) «бытие-в-мире», в котором человек существует не один, а всегда с другими, благодаря чему возможно «со-бытие»;

2) «забегание вперед» отражает направленность человеческого бытия вперед во времени – в будущее, которое содержит в себе новые возможности и отражает возможность проектирования самого себя;

3) «бытие-при-внутримировом-сущем» показывает специфический способ отношения к вещам, как к спутникам жизни, к «подручным», которые не существуют отдельно, а выступают как инструмент, средство.

В понимании М. Хайдеггера, подлинное бытие человека может превратиться в неподлинное, когда в его жизни перевешивает компонент настоящего, чем заслоняется от субъекта его конечность. То есть такое неподлинное существование наступает при полном поглощении человека социальной и предметной средой, что может быть устранено путем преобразования негативности этих сфер жизни. Исходя из этого, неповторимая особость (подлинность бытия) человека кроется в его способности выходить за собственные пределы, то есть, *экзистировать* (лат. «*exsistentia*» – существование) и тем самым ставить вопросы о подлинном смысле своего бытия [19]. То есть, стать экзистенциальным существом – это означает открытость в познании сущего. Это можно считать смыслообразующей стратегией человека, отражающей основные воззрения экзистенциальной психологии на его природу – не потеряться в безличности людей, искать и обрести подлинного себя, то есть прийти к самому себе.

И. Ялом предлагает с позиций психотерапевтической работы опираться на построение уникальных межличностных отношений. Такое гуманистическое толкование взаимодействий позволяет преодолевать рамки формальных диагнозов на основе построения уникальной истории каждого человека через стратегию откровения в отношениях. И, Ялом из опыта проработки экзистенциальных страхов смерти, показывает эффективность такой модели взаимоотношений. С таких позиций выбор человеком в любой период своей взрослой жизни должен быть осознанным, и такое активное самоосознание включает в его бытии источник повышения жизненного потенциала для преодоления страха смерти и противостояния небытию [36].

При изучении способов взаимодействий человека в окружающем мире, помимо влияния его личной истории экзистенциальных переживаний о будущем, важное значение играет его деятельность в этом мире. Теория деятельности, разрабатываемая в отечественной психологии, опирается на культурно-исторический подход Л.С. Выготского, описывающий соотношение и особенности элементарных и высших психических функций. В этом подходе критерием возрастной периодизации выступает психическое новообразование, появляющееся и характерное для каждого периода развития. В целом, развитие представляется чередованием стабильных и нестабильных (кризисных) этапов.

Определяющее влияние на развитие оказывает наступление кризисов – периодов действительной перестройки не только психических функций, но и отношений ребенка, что вызывает качественные изменения его развивающейся личности [5]. Таким образом, переход между возрастами имеет революционный природу, каждый из которых заканчивается соответствующим кризисом.

Л.С. Выготский указывает на системное и смысловое строение сознания, которое представляется не в виде набора отдельных процессов, а их системой. В такой динамичной системе для каждого возраста центральное место в сознании занимает соответствующий доминирующий процесс, например, восприятие для раннего возраста, память для дошкольного возраста, мышление для школьного возраста [5]. Остальные процессы проходят развитие в сознании при влиянии соответствующего доминирующего психического процесса в каждом возрасте. Значит психическое развитие как процесс, являет собой перестройку системы сознания. Эти преобразования сознания обусловлены изменениями его смысловых структур, суть которых – развитие обобщений. Так как вход в сферу сознания проходит исключительно через речь, то переходы между структурами сознания возможны путем освоения значения слов, то есть обобщения [5].

Д.Б. Эльконин в рамках концепции «ведущей деятельности» при развитии и становлении личности ребенка, указывает на необходимость учитывать социальную ситуацию развития самого ребенка. При этом, источником психического развития детей выступает их внешняя практическая деятельность. Сформированная под воздействием культурно-исторической теории Л.С. Выготского, а именно социально-культурной обусловленности возрастного развития [5], гипотеза о наличии ведущего типа деятельности была высказана А.Н. Леонтьевым в процессе разработки деятельностного подхода в отечественной психологии [9]. Ведущий тип деятельности соответствует наиболее значимому мотиву в определенном возрасте или в определенной значимой ситуации [21]. Исследователь видит включенность ребенка в две системы деятельности: с предметами и с взрослыми. При этом, сама личность ребенка представляется как высшая психологическая инстанция в управлении собственным поведением, что заключается в преодолении самого себя.

В процессе развития ребенка происходит поочередная смена мотивационно-потребностной сферы («хочу») как ориентации в системе отношений и операционно-технической сферы («могу») как ориентации в способах употребления предметов. Данные возрастные чередования этих двух сфер обусловлены нарастанием противоречий до критического уровня, когда причиной несоответствия выступает разница между уровнем имеющегося позитивного личностного развития ребенка и его операционно-техническими возможностями [21]. Природа возникающего кризиса заключается в несоответствии новых потребностей ребенка и условий их удовлетворения, оставшихся прежними. Такая периодическая смена ведущей деятельности, как отношения к действительности, проходит в ходе специфического обучения детей взрослыми. Это является своеобразной стратегией развития межличностных отношений через преодоление кризисов возрастного развития,

что направленно на формирование в каждом возрасте ребенка его общественно ценных психических новообразований. Именно они выступают и как побудительная сила дальнейшего развития и как база этого позитивного развития [21]. Ведущий тип деятельности по окончании подросткового периода прослеживается слабее, так как дальнейший жизненный путь направлен не только на социализацию личности, при этом происходит смена круга общения, сферы деятельности и стиля жизни.

По мнению Д.А. Леонтьева, личностный потенциал человека невозможно полностью раскрыть в условиях максимизации позитивных эмоций, исходя из требований критерия приятного здесь-и-теперь, как философии гедонизма. Стремление к минимизации или исключению отрицательных эмоций в сиюминутном плане означает игнорирование смысловых контекстов деятельности и ее временных перспектив в долгосрочном плане жизненного пути. При этом в области саморегуляции, как постановки жизненных целей и их достижения, определяющую роль играют психологические ресурсы личности. Они включают: ресурсы устойчивости, саморегуляции, мотивационные и инструментальные ресурсы личности [10]. В тоже время, существуют универсальные ресурсы саморегуляции, способные во многом компенсировать ресурсы устойчивости в самых экстремальных обстоятельствах. Включение таких универсальных ресурсов способно переструктурировать имеющиеся системные связи в процессах взаимодействия с миром, превращая недостатки в достоинства, например травмы, ограничивающие возможности субъекта. Благодаря этому, происходит мобилизация сознания человека на компенсаторное улучшение качества регуляции собственной жизнедеятельности. Именно универсальные ресурсы саморегуляции становятся базой личностного потенциала. Формы саморегуляции в ходе филогенеза и онтогенеза подвергаются постоянному усложнению: самоконтроль, самодисциплина, самоуправление, самодетерминация, самоорганизация. При этом, среди таких разновидностей саморегуляции, как функциональная, эмоциональная, целевая, мотивационная и личностная, именно последняя выступает как управление жизнедеятельностью в целом, то есть как наиболее общий контур такого регулирования [10]. Исходя из этого, для такой саморегуляции жизнедеятельности в качестве критерия желаемого исследователь отмечает осуществление жизни личности как внутреннюю необходимость. В ее роли выступает поиск и реализация своего жизненного замысла, что можно отметить, как стратегию выработки и осуществления смыслов жизнедеятельности.

Н. Талеб указывает на два системных паттерна как личностных конструкта, отражающих качество ресурсов личностного потенциала, в силу которых человек поддается или противостоит действию внешней среды в условиях неопределенности. В первом случае, это состояние низкого личностного потенциала – хрупкость личности, как совокупность следующих психологических характеристик: виктимности, зависимости, конформности, ригидности, уязвимости, непродуктивности. Обусловленная этим неадаптивная саморегуляция может приводить к саморазрушениям даже при достаточности

физиологических ресурсов, когда действия человека идут ему же во вред и ресурсы тратятся впустую. Во втором случае, состояние высокого личностного потенциала – антихрупкость личности, характеризуемая целенаправленностью, гибкостью, активностью, субъектностью, продуктивностью деятельности, резилентностью, самодетерминацией, продуктивным совладанием. На основе этих свойств личности у человека имеется возможность продолжать самосовершенствование до предела исчерпания собственных физиологических ресурсов, после чего наступает старость и естественная смерть [16]. Тогда хрупкие люди, то есть имеющие низкий личностный потенциал, могут достигать успеха, но очень большой ценой, то есть им невозможно быть одновременно и успешными и счастливыми. Таким людям следует либо отказаться от успеха и просто получать радость от жизни, либо достигать желаемого успеха, но при этом критически истощать свои ресурсы. Люди, обладающие антихрупкостью, способны при достижении успеха не испытывать критической нехватки своих ресурсов. Исследователь считает, что свойства личности, формирующие антихрупкость, имеют не только врожденную природу, их можно и нужно развивать. Такие люди умеют извлекать неочевидную выгоду из ошибок и неудач, продолжают развиваться при большом сопротивлении внешней среды, что необходимо в условиях хаотичности и быстротечности жизни [16]. Тогда это можно выделить в качестве стратегии развития личности.

В.Е. Ключко, развивая смысловую теорию мышления О.К. Тихомирова, разрабатывает трансспективный анализ проблем междисциплинарного порядка. Для успешности такого междисциплинарного дискурса требуется его переход из поликультурной (разноязыкой) среды осмысления феноменов сознания в пространство возможности представления человека как открытой саморазвивающейся системы. Одной из точек сходимости в таком трансспективной взгляде является принятие положения о саморегулировании человеком свое жизни как сверхсложной системы [8]. Исход из этого, любой исследователь, как представитель конкретной науки, должен определиться с необходимостью саморефлексии собственного познания как способности к выявлению саморазвивающейся системы. Именно такой класс систем является доминирующим объектом изучения в конкретной науке с позиций постнеклассической рациональности. В.Е. Ключко предлагает считать открытыми саморазвивающимися системами те, которые имеют потенциал самодвижения – переход от возможности к действительности в определенных условиях. Вторым важным условием, дающим устойчивое существование, выступает всесторонний обмен с окружающей средой таких систем, ресурсы которых являются перманентно дефицитными [8]. Тогда открытая система не ждет случайных совпадений от внешней среды, она расходует свой потенциал на проецирование в среду своих ожиданий. Данное проецирование, как искажение своего присутствия в среде, является таким запросом к ней, который способен вызвать адекватный ответ на возникшее искажение, то есть только такая адресная реакция имеет смысл для искажившей её системы. В мышлении человека такое отражение и порождение смыслов показывает влияние уровня

рефлексии на характер собственного познания. Стратегия познавательной деятельности коррелирует с системными особенностями исследуемого объекта и является условием его эффективного изучения. Это означает необходимый постнеклассический выход познавательных стратегий в область сверхсложных – человеческих измерений. Только так можно объединить раскол научных монодисциплин на естественнонаучные и гуманитарные, вследствие чего может зародиться новая единая междисциплинарная научная парадигма [8].

Б.С. Братусь при разработке концепции личностно-смысловой сферы указывает на ее поуровневое строение. Личностными смыслами формируется субъективное семантическое пространство, в котором идет различение происходящего с приписыванием ему определенных атрибутов, совокупность которых образует соответствующее мнение. Выделяются следующие уровни смыслов в ценностно-смысловой сфере [4]:

- ситуационно-прагматические смыслы – детерминируются предметной логикой движения к цели в конкретных условиях. Этот нулевой уровень смыслов не является личностным, так как такие смыслы осуществляют только лишь регулятивную функцию в осознании конкретной ситуации взаимодействия;

- эгоцентрические смыслы – первый уровень личностных смыслов, где главной позицией является собственная выгода, удобство, престижность. С такой позиции соизмеряются остальные люди, воспринимаемые как «помощники» либо «враги» в процессе отношений;

- группоцентрические смыслы – второй уровень личностных смыслов, где определяющим моментом отношений с действительностью становится группа, близкое окружение человека, с которым он себя отождествляет или ставит выше себя. При этом отношения с другими строятся с позиций «свой – чужой»;

- просоциальные смыслы – третий уровень личностных смыслов отражает высшую, общечеловеческую, собственно нравственную смысловую ориентацию, занимаемую в отношениях с другими людьми, общение и деятельность с которыми принесет благо всем.

В этой классификации критерием развития личностно-смысловой сферы выступает способ отношений человека с общностями, в которые он включается. Тогда в качестве стратегии развития смысловой сферы можно отметить восхождение от низших к высшим смыслам – просоциальным. Это означает, что при наступлении кризиса среднего возраста из него может быть два выхода для адаптации смысловой сферы по отношению к реалиям окружающей жизни. При негативном выходе человек отказывается перестраивать свою систему смыслов и пытается ее «законсервировать» вопреки требованиям изменившейся жизни. Такой ложнокомпенсаторной деятельностью, носящей реактивный характер преодоления имеющихся противоречий, он формирует аномалию своего развития. При позитивном выходе начнется перестройка и трансформация ценностно-смысловой сферы для более полного соответствия своих мотивом и имеющихся возможностей. Так начинается поиск и выход на путь самосовершенствования своей личности.

В показанном ранее подходе А.В. Карпова к работе сознания с позиций метасистемности изучается механизм «удвоения бытия» в силу действия

отражательного атрибута психики. Возникающая внутренняя субъективная реальность отражает внеположную объективную реальность из-за внутренней локализации метасистемы психики в системе сознания. Тогда стратегией поведения индивида для достижения наилучшей адаптации в окружающем его мире исследователь предлагает обеспечивать более полное и адекватное совпадения внутренней и внешней реальности в сознании [7, С. 19]. Это означает требование максимального подобия объективной реальности по отношению к содержательным и информационным характеристикам психики.

При рассмотрении когнитивных механизмов работы сознания, по данным А.Ю. Агафонова, человеком в данный момент времени может осознаваться только та часть информации, которую он понимает. При этом в своей памяти он хранит намного больше информации, чем он способен узнать или вспомнить. При восприятии многозначных и неопределенных стимулов осознание возможно лишь в условиях выбора из образцов понимания внешних воздействий, которые уже наличествуют, присутствуют в сознании, но не осознаются [3]. Эмпирическое исследование эффектов прайминга (действия предшествующего подобного стимула) показывает, что осознание возникает как завершающий результат неосознаваемых поисковых процессов по интерпретации внешних воздействий. На выбор при принятии решения оказывает действие сила влияния как ранее осознанной, так и неосознанной информации. Также, на осознание существенно влияет актуальная иррелевантная информация, даже если она не осознается, поэтому процесс осознания является неизбежным следствием конкурирующего выбора среди неосознаваемых ходов понимания. Тогда сознание рассматривается как множественное понимание, означающее приписывание нескольких смыслов для каждого явления действительности [3]. Исходя из этого, можно описать следующую смыслообразующую стратегию: приписывание смысла может происходить неосознанно в результате конкурентного выбора – под действием неосознанно воспринимаемой информации, в том числе иррелевантной, а также при неосознанном влиянии ранее поступившей информации.

В работах смыслодидактической школы И.В. Абакумовой установлено наличие у смысловой системы сложного иерархического строения, разнообразных функций и стратегии образования. Континуум личностных смыслов отражает образ мира, многомерно воспринимаемый внутренним миром человека. Образ мира у психически здорового человека является целостным образованием, в формировании которого невозможно выделить конкретные перцептивные каналы восприятия или ведущие мыслительные акты, что означает полимодальность смысловой сферы [1; 2]. Полимодальность смысла означает, что смысл не может быть плохим или хорошим – он может быть просто другим. Наличие такой альтернативности предполагает, что с одной стороны смысл может не включаться в какие-либо полярные структуры с аттракторами в качестве актуальных смыслов. Но с другой стороны, в смысловом пространстве при взаимодействиях различного порядка может наблюдаться совпадение или рассогласование систем смыслов на разных уровнях. С этих позиций при осуществлении взаимодействий и познания

человек часто оказывается в ситуациях, когда его сознание сталкивается с чем-либо новым, что может приводить к двум состояниям:

1) консонанс – согласие и принятие в сферу своего сознания данного нового факта по причине его соответствия (полного или частичного) тому, что известно человеку. Состояние консонанса отражает субъективно удовлетворительную степень релевантности новой информации как уместности и совпадения ожиданий, имеющих у субъекта. Это означает, что воспринимаемое имеет схожесть с имеющимся в сознании содержанием;

2) диссонанс – конфликтная ситуация в случае несовпадения по каким-либо причинам характеристик воспринимаемого элемента с параметрами воспринимающей системы. Диссонанс проявляет несоответствие новой и имеющейся информации, как нерелевантность отношений в образуемой паре элементов. Данная неадекватность показывает рассогласованность, которая становится точкой бифуркации с несколькими альтернативами. Выбор в таком дихотомичном состоянии означает или подстройку нового элемента под требования системы для слияния с ней или существование в виде несовпадающих полюсов.

Применительно к смысловой сфере известным считается проявление смыслового диссонанса, который возникает в случае несогласованности экзистенциальных систем субъектов при коммуникации различного рода. Данное несовпадение смыслов означает сбой их регулятивной функции при «опредмечивании» и «распредмечивании» деятельности, обеспечивающей приемлемое качество взаимодействий. Например, для преодоления смысловых барьеров в обучении, играющих как деструктивную, так и конструктивную роль, предлагается применять направленное на ценностно-смысловую сферу обучающегося воздействие со стороны учителя. Такое воздействие должно способствовать формированию соответствующих смысловых установок ученика, открывающих уровень субъектного диалога с потребностью самопонимания и рефлексии [13]. Для восстановления смыслового тождества в переводческой деятельности важно опираться на языковую, на внеязыковую, а также фоновую информацию о переводимых реалиях. Соблюдение этого позволяет сохранять смысловую инвариантность и эквивалентное культурное обозначение при переименовании объекта реальности [11].

Значит, смысловой диссонанс может проявляться в двух плоскостях: в реальных взаимодействиях человека как диссонанс единичных смыслов, а также при трансляции межличностных смыслов как диссонанс общих смыслов.

В ходе исследования влияния смыслов на организацию и качественное содержание деятельности, осуществляемой человеком, возникают вопросы определения способов организации ценностно-смысловой сферы и механизмов её трансформации при переходе в новые условия или выборе других целей. Тогда динамика процессов образования смыслов будет показывать суть процессов, реализующихся во внутреннем и внешнем мире человека, что поможет более качественно предсказывать его поведение. Современный деятельностно-смысловой подход рассматривает образование смыслов как процесс их распространения из ведущих структур ядра смысловой сферы к её

периферии – к частным проявлениям в конкретных жизненных ситуациях. Это происходит через проявление личностных свойств, обладающих устойчивостью или гибкостью [10]. Данное обстоятельство означает возможность не только активизации источников ситуативных смыслов, как каузальных образов поступков, но и регуляцию в целом деятельности индивида на основе собственного образа мира.

Стратегия смыслообразования отражает взгляд в настоящее из будущего, направленный на порождение новых причин как целевое программирование ситуаций для их смены и преодоления сопротивления среды. В отличие от тактики, работающей с необходимыми следствиями, стратегия содержит нелинейные переходы на основе парадоксальной логики возможного к новым уровням сложности функционирования [18]. Стратегия занимается качественным переходом системы от одних тенденций (контекстов) к другим с помощью целеполагания из надсистемы. Стратегия – фильтр от случайностей, позволяет генерировать из хаоса четкий список поступков для удержания задаваемого образа мира [15].

Смыслообразующая стратегия задает ход и знак генерируемого образа-смысла. В процессе становления личности происходит развитие стратегий образования личностных смыслов, из которых актуализируется стратегия формирования жизненных смыслов. Так из смыслов разных направлений деятельности кристаллизуются смыслы жизни, как высший, интегральный уровень смысловой сферы личности, определяющий генеральную линию её развития [2].

Смыслы составляют ядро ценностно-смысловой и мотивационной сфер личности, детерминирующих её деятельность на всех уровнях бытия, что было показано выше. Тогда стратегия образования смыслов включает следующие компоненты [6]:

1) иницирующий компонент – показывает специфику перехода смыслов в ведущие актуальные элементы смысловой системы, как точки роста при её трансформациях и развитии;

2) содержательный компонент – отражает, чем наполнены личностные смыслы и смысловые установки, т. е. их субстанциональность и качество;

3) динамический компонент – передает направление развития смысловой сферы под действием смыслообразующих мотивов, потребностей, целей.

Именно наличие и единство иницирующего начала, содержательного наполнения и направленности развития смыслов формирует стратегию их образования. Это динамический вектор, характеризующий точку приложения, содержательную наполненность и траекторию развития смысловой сферы.

Нами дается следующее определение: *стратегия смыслообразования* – это организованный под влиянием мотивов, потребностей, целей, субъективных отношений и опыта способ формирования и развития системы личностных смыслов для их содержательного и качественного наполнения, а также отражающий специфику и динамику осуществления индивидом актуализации смыслов в конкретных ситуациях жизнедеятельности [6]. Представленное современное состояние исследований смыслообразования показывает его

междисциплинарный характер, что может использоваться для мультифакторного изучения и моделирования развития личности.

Литература:

1. Абакумова И.В., Зорина Е.С. Реализация гуманитарно-смысловой экспертизы для определения характеристик личностного развития детей и подростков // *Материалы съезда Российского психологического общества (Казань, 5-7 октября 2017 г.)*. – Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2017. Том 1. С. 378-379.
2. Абакумова И.В., Кагермазова Л.Ц., Масаева З.В. Технологии направленного и опосредованного смыслообразования ценностных ориентаций антитеррористического сознания студентов вуза // *Социокультурные проблемы развития образования в условиях проектного управления: сборник научных трудов научно-практической конференции с международным участием (Ростов-на-Дону, 22-23 марта 2018)* / под ред. И.В. Абакумовой, М.Ю. Елагиной. – М.: Кредо, 2018. С. 451-458.
3. Агафонов А.Ю. Осознание как следствие преодоления когнитивной энтропии / *Человек в условиях неопределенности. Сборник научных трудов научно-практической конференции с международным участием (Самара, 19-20 апреля 2018г.)*. В 2-х томах. Под общей и научной ред. Е.В. Бакишутовой, О.В. Юсуповой, Е.Ю. Двойниковой. 2018. С. 9-15.
4. Братусь Б.С. Уровни развития смысловой сферы личности // *Общая теория смысла, психологические концепции смыслообразования, смыслодидактика. Хрестоматия* / Сост. И.В. Абакумова, П.Н. Ермаков, И.А. Рудакова. – М.: КРЕДО, 2014. – С. 135-146.
5. Выготский Л.С. *Вопросы детской психологии*. – М.: Перспектива, 2018. – 224 с.
6. Годунов М.В. Ансамбль свойств личности: триалектическое развитие преадаптивных возможностей. Книга 2. – М.: Кредо, 2019. - 320 с.
7. Карпов А.В. *Метасистемный подход к проблеме сознания* // *Мир психологии*, 2016. - № 2 (86). С. 15-31.
8. Ключко В.Е. Проблема цифровых кочевников: трансдисциплинарный подход // *Цифровое кочевничество как глобальный и сибирский тренд. Материалы III Международной трансдисциплинарной научно-практической web-конференции «Connect-Universum – 2016» (Томск, 24-26 мая 2016)*. – Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2017. – С. 144-150.
9. Леонтьев А.Н. *Эволюция, движение, деятельность*. – М.: Смысл, 2012. – 560 с.
10. Леонтьев Д.А., Иванова Т.Ю., Осин Е.Н., Рассказова Е.И., Кошелева Н.В. *Современные проблемы изучения личностных ресурсов в профессиональной деятельности* // *Организационная психология*, 2018. Т. 8. № 1. С. 85-121.

11. Лушева Е.П., Катаев, А.О. Предпосылки и проявления семантического диссонанса в военном переводе (на примере переводов с немецкого языка на русский) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2017. № 5(71): в 3-х ч. Ч. 2. С. 99-103.
12. Мазалов В.В. *Математическая теория игр и приложения*. – М.: Лань, 2017. – 448 с.
13. Осипова А.А. *Смысловые барьеры в учебном процессе: концепция и технологии преодоления*. Дисс. ...д-ра психол. наук: 19.00.07. Ростов-на-Дону, ЮФУ, 2017. 233 с.
14. Перлз Ф. *Теория гештальт-терапии (Серия: Современная психология: теория и практика)*. - М.: Институт общегуманитарных исследований, 2017. - 320 с.
15. Почетцов Г.Г. *Информационные войны. Новый инструмент политики*. - М.: Алгоритм, 2015. – 25 с.
16. Талей Н.Н. *Антихрупкость: как извлечь выгоду из хаоса*. М.: КоЛибри, 2016. – 768 с.
17. Фрейд З. *Введение в психоанализ*. – М.: АСТ, 2017. – 544 с.
18. Фридман Л.Д. *Стратегия: война, революция, бизнес*. М.: Кучково поле, 2018. - 768 с.
19. Хайдеггер М. *О существе человеческой свободы. Введение в философию / Пер. с нем. А.П. Шурбелёва*. - СПб.: Владимир Даль, 2018. – 415 с.
20. Щедровицкий Г.П. *Оргуправленческое мышление. Идеология, методология, технология (курс лекций)*. – М.: Издательство «Студии Артемия Лебедева». 2018. – 464 с.
21. Эльконин Д.Б. *Игра в психическое развитие // Альманах Института коррекционной педагогики РАО*, 2017. – № 28. – С. 32-66.
22. Bandura A. *Disengagement: How People Do Harm and Live with Themselves*. – NY: Worth Publishers, 2016. – 544 p.
23. Dixit A.K., Nalebuff B.J. *Thinking Strategically: The Competitive Edge in Business, Politics, and Everyday Life*. – N.Y.: W.W. Norton & Company Inc., 2017. – 408 с.
24. Hull C.L. *Quantitative Aspects of the Evolution of Concepts: An Experimental Study (Classic Reprint)*. – L.: Forgotten Books, 2018. – 106 p.
25. Lazarus R.S. *Emotion and Adaptation*. – N.Y.: Oxford University Press. 2018.
26. Mead G.H. *Mind, Self, and Society: The Definitive Edition*. Chicago, USA: University of Chicago Press, 2017. - 536 p.
27. Miller G.A., Galanter E., Pribram K.H. *Plans and the structure of behavior*. – Eastford, CT, USA: Martino Fine Books, 2017. – 238 p.
28. Miller N.E., Dollard J. *Social learning and imitation (Original work published 1941)*. – Westport, CT, USA: Greenwood Press Reprint, 2017. – 357 p.
29. Moreno J.L. *The theatre of spontaneity*. – Malvern, U.K.: North West Psychodrama Association, 2018. - 142 p.

30. Neumann J., Morgenstern O. *Theory Of Games And Economic Behavior*. – North Charleston: Create Space, 2018. – 664 p.
31. Pastine I., Pastine T. *Introducing Game Theory: A Graphic Guide (Introducing)*. – L.: Icon Books Ltd, 2017. – 176 p.
32. Rotter J.B. *Social learning and clinical psychology (Reprint of 1954 First)*. - Eastford, CT, USA: Martino Fine Books, 2017. – 480 p.
33. Sears R.R. *Identification and Child Rearing (Reprint edition 1965)*. – Redwood City, CA, USA.: Stanford University Press, 2018 – 396 p.
34. Seligman M.E.P. *The Hope Circuit: A Psychologist's Journey from Helplessness to Optimism*. – N.Y.: Public Affairs, 2018. – 448 p.
35. Tolman E.C. *Purposive Behavior in Animals and Men (Original work published 1932)*. – N.Y.: Irvington Publisher, 2018. – 463 p.
36. Yalom I.D. *Becoming Myself: A Psychiatrist's Memoir*. – N.Y.: Basic Books, 2017. – 352 p.

Literature:

1. Abakumova I.V., Zorina E.S. *implementation of humanitarian and semantic expertise to determine the characteristics of personal development of children and adolescents // Proceedings of the Congress of the Russian psychological society (Kazan, 5-7 October 2017)*. - Kazan: Kazan (Volga region) Federal University, 2017. Volume 1. P. 378-379.
2. Abakumova I.V., kagermazova L.C., Musaeva Z.V. *Technologies of the directed and mediated the formation of value orientations of antiterrorist consciousness of University students // social and cultural problems of development of education in the context of project management: collection of scientific works scientific-practical conference with international participation (Rostov-on-don, 22-23 March 2018) / under the editorship of I. V. zaikonnikova Abakumova, M. Y. Elagina, I. V. Chumak*. - M.: Credo, 2018. P. 451-458.
3. Agafonov A.Y. *Awareness as a consequence of overcoming cognitive entropy. Collection of scientific works of scientific-practical conference with international participation (Samara, April 19-20, 2018)*. In 2 volumes. Under the General scientific editorship of E. V. Bakshutov, O. V., Yusupova, E. Y. Duplex. 2018. Pp. 9-15.
4. Bratus B.S. *the development of the semantic sphere of the personality // the General theory of meaning, the psychological concept of meaning, Smyslova-tick. Reader / Comp. I. V. Abakumova, P. N. Ermakov, I. A. Rudakov*. - M.: Credo, 2014. - P. 135-146.
5. Vygotsky L.S. *Questions of child psychology*. - M.: Prospect, 2018. - 224 p.
6. Fedotov M.V. *the Ensemble properties of the personality: the trialectic preadaptive development opportunities. Book 2*. - M.: Credo, 2019. - 320 p.
7. Karpov A.V. *Metasystemic approach to the problem of consciousness // World of psychology, 2016*. - № 2 (86). P. 15-31.
8. Klochko V.E. *the problem of digital nomads: transdisciplinary approach // Digital nomadism as a global and Siberian trend. Materials of the*

III international transdisciplinary scientific and practical web-conference "Connect-Universum-2016" (Tomsk, may 24-26, 2016). - Tomsk: national research Tomsk state University, 2017. - P. 144-150.

9. Leont'ev A.N. *Evolution, movement, activity*. - M.: Smysl, 2012. – P.P. – 560.

10. Leontiev D.A., Ivanova T.Y., Osin Ye. N, Rasskazova E.I., Kosheleva N.B. *Modern problems of studying personal resources in professional activity // Organizational psychology*, 2018. Vol. 8. No. 1. P. 85-121.

11. Lusheva E.P., Kataev A.O. *Prerequisites and manifestations of semantic dissonance in military translation (by the example of translations from German into Russian) // Philological Sciences. Theory and practice. Tambov: Diploma*, 2017. № 5(71): in 3 h. 2 P. 99-103.

12. Mazalov V.V. *Mathematical theory of games and applications*. - M: LAN, 2017. - 448 p.

13. Osipova A.A. *the semantic barriers in the educational process: the concept and technology of overcoming. Diss. ...d-ra psikhol. Sciences: 19.00.07. Rostov-on-don, SFU*, 2017. 233 p.

14. Perls F. *the Theory of Gestalt therapy (Series: Contemporary psychology: theory and practice)*. - M: Institute of General humanitarian studies, 2017. - 320 p.

15. Pocheptsov G.G. *the Information war. New policy tool*. - M.: Algorithm, 2015.

16. Taleb N.N. *Anti-embrittlement: how to benefit from chaos*. M.: CoLibri, 2016.

17. Freud Z. *Introduction to psychoanalysis*. - Moscow: AST, 2017. - 544 p.

18. Friedman L.D. *Strategy: war, revolution, business*. M: Kuchkovo pole, 2018. - 768 p.

19. Heidegger M. *on the essence of human freedom. Introduction to philosophy / Ed. with it. A. P. Shuraleva*. - SPb.: Vladimir Dal, 2018. - 415 p.

20. Schedrovitsky G.P. *Organizational management thinking. Ideology, methodology, technology (lectures)*. – M.: Publishing House Art. 2018. – 464 p.

21. Elkonin D.B. *the game of mental development*, 2017. / *the Almanac of the Institute of correctional pedagogy of RAO*. - № 28. - P. 32-66.

22. Bandura A. *Disengagement: How People Do Harm and Live with Themselves*. – NY: Worth Publishers, 2016. – 544 p.

23. Dixit A.K., Nalebuff B.J. *Thinking Strategically: The Competitive Edge in Business, Politics, and Everyday Life*. – N.Y.: W.W. Norton & Company Inc., 2017. – 408 c.

24. Hull C.L. *Quantitative Aspects of the Evolution of Concepts: An Experimental Study (Classic Reprint)*. – L.: Forgotten Books, 2018. – 106 p.

25. Lazarus R.S. *Emotion and Adaptation*. – N.Y.: Oxford University Press. 2018.

26. Mead G.H. *Mind, Self, and Society: The Definitive Edition*.

Chicago, USA: University of Chicago Press, 2017. - 536 p.

27. Miller G.A., Galanter E., Pribram K.H. *Plans and the structure of behavior*. – Eastford, CT, USA: Martino Fine Books, 2017. – 238 p.

28. Miller N.E., Dollard J. *Social learning and imitation (Original work published 1941)*. – Westport, CT, USA: Greenwood Press Reprint, 2017. – 357 p.

29. Moreno J.L. *The theatre of spontaneity*. – Malvern, U.K.: North West Psychodrama Association, 2018. - 142 p.

30. Neumann J., Morgenstern O. *Theory Of Games And Economic Behavior*. – North Charleston: Create Space, 2018. – 664 p.

31. Pastine I., Pastine T. *Introducing Game Theory: A Graphic Guide (Introducing)*. – L.: Icon Books Ltd, 2017. – 176 p.

32. Rotter J.B. *Social learning and clinical psychology (Reprint of 1954 First)*. - Eastford, CT, USA: Martino Fine Books, 2017. – 480 p.

33. Sears R.R. *Identification and Child Rearing (Reprint edition 1965)*. – Redwood City, CA, USA.: Stanford University Press, 2018 – 396 p.

34. Seligman M.E.P. *The Hope Circuit: A Psychologist's Journey from Helplessness to Optimism*. – N.Y.: Public Affairs, 2018. – 448 p.

35. Tolman E.C. *Purposive Behavior in Animals and Men (Original work published 1932)*. – N.Y.: Irvington Publisher, 2018. – 463 p.

36. Yalom I.D. *Becoming Myself: A Psychiatrist's Memoir*. – N.Y.: Basic Books, 2017. – 352 p.